

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

КАК РЕКА, РВУСЬ ИЗ РУСЛА И ВСЁ ЖЕ ВЕРНУСЬ... О Касымхане

Сначала я познакомился с Касымханом Бегмановым, потом и с его произведениями. Известный казахский поэт скромнен, неприязнителен, не слишком разговорчив, в диалоге его голос негромок. Но произнесенное слово весомо, и тот же голос с узнаваемым тембром оказывается в стихах пронзительным, набирает силу, порою становится громовым. Я почувствовал, что столкнулся с большим лирическим дарованием, с неподдельно самобытным и свежим явлением поэзии.

Вообще творчество Бегманова разнообразно. Это не только лирика, но стальнойгическая или любовная, или та, что именуется гражданской. Как-то всё это нередко соединяется в один сплав. Первый признак крупности таланта — то богатство интонаций и оттенков, при котором немногими и всё теми же, но многослойными словами одновременно говорится о разном.

Существенное место в книгах Касымхана занимают стихотворные портреты и отдаленных временем литературных предшественников, и старших современников, и друзей юности, на утре дней, шедших по той же многотрудной дороге и, увы, растаявших в дорожной пыли. И горестно оплакиваемых и вспоминаемых с благодарностью. Поэт осознаёт себя звеном в необрывающейся цепи. И даже с какой-то буддийской верой в вереницу перевоплощений ощущает себя всё тем же народным певцом, в должный час явившимся в новом обличье. Мысль высокая! И ведь скромность скромностью, но поэту просто необходимы и понимание масштаба явлений, и вера в собственное призвание, в неслучайность своего прихода в мир. Всё же от появления некоторых стихов хоть что-нибудь должно измениться в мире. Иначе зачем они пишутся? Для прочтения на корпоративном празднике, для домашнего употребления?

Так затевается разговор с великими предшественниками, оставившими правнукам и наследство, и поручение. Вот строчки из записной книжки, ставшие эпиграфом к стихотворению о мудром учителе нации Абае:

*Увидеть, как растёт заря,
И в сердце тайна проскользнёт.
Мечтать, с поэтом говоря, —
Начать в душе переворот.*

(Здесь и далее цитаты в моем переводе. — М. С.)

С особым чувством я переводил стихи, посвященные памяти Аскара Сулейменова:

*В Сызгане вновь вышла весна на простор...
Рождённый в Шорнаке, в преддверии гор,
Пришёл в этот мир Асеке благородный,
Чтоб дать безрассудству суровый отпор.*

*Когда по знакомым дорогам пройдёшь,
Раздумья всю местность окинули сплошь.
В краях Алматы проходил я с ним рядом.
Ах, был из живущих ни с кем он не схож!*

*Лишь осень в душе. Как воспеть мне весну,
Отцветшую в прошлом, подобную сну!
Как поезд, промчавшийся без остановок,
Прошло это время, встряхнув тишину.*

*Рождённый в Шорнаке, возросший в степях,
Лил тайные слёзы, их видел Аллах.
Подобный пророку, просил он того лишь,
О чём помышляют Созак и казах.*

*Весна навестила край Баба-ата.
Рождённый в Шорнаке, он в эти места
Пришёл дать суровый отпор безрассудству,
Пришёл Асеке в этот мир неспроста.*

Сказанное меня тронуло и потому, что я был знаком с этим выдающимся казахским литературным критиком и мыслителем. И навсегда запомнил его замечательные слова, прощально заключившие наш с ним долгий разговор: «Мы все – из округа Йокнапатофа!» Да, не только у гениального Фолкнера была своя провинция, малая родина, родной клочок планеты. И ведь довольно знать и любить частицу мира, чтобы иметь некоторое представление о мире в целом. Вселенная, макрокосм, зеркально отражается в микрокосме.

Проникновенны стихи Касымхана Бегманова о детстве и юности, проведенных в степном ауле. О первых наставниках, односельчанах, о первой любви, о так рано покинувшей дольний мир матери:

*Разве может напев оборвать соловей
И джигит позабыть об отчизне своей?
Мать святая моя мне припомнилась вновь.
Хоть давно её нет, всей душою я с ней.*

*Снова мне драгоценная вспомнилась мать,
Что вскормила, вырастила, смогла воспитать.
Всю-то жизнь принимавшая всех, как родных,
Свет своей доброты сияясь людям отдать.*

*Так внезапно ушла от меня навсегда
Та, которой сломить не сумела нужда.
На дороге, объятой вечерним теплом,
Я о матери вспомнил, и память тверда.*

*Оба мира в раздумьях взвесить могла,
Но из бренного мира навеки ушла.
Всех тоскующих жизнь продолжаю теперь...
Обездоленных ноша душе тяжела.*

Так понятна, так трогательна любовь к своему истоку, к своей колыбели! Но и праотцами человечества замечено, что нельзя вечно пребывать в колыбели. Выходящая из аула дорога становится дорогой в большой мир. Ностальгия неизлечима, однако ощущение свершившейся личной судьбы однажды соеди-

няется с мыслью о судьбе всеобщей. В лирике с годами возникают и религиозные мотивы, и отчетливый космизм...

Давным-давно сказано: «История принадлежит поэту». Во многих своих стихах и, конечно, в поэмах Касымхан является правдивым историком и многих обжигающе трагичных человеческих судеб, и тех катастрофических событий, которые обрушивались на его народ, изменяя всё течение многовековой степной жизни. В исторических поэмах присутствует величие замысла. Величественна и сама степь, всё же сохранившая обломки минувшего и воспетая с большим воодушевлением:

*Эта степь вся в извилах путей вековых,
С городами, с руинами кладбищ глухих.
Воем ветер, что всё здесь тоской просквозил,
Птичьи стаи взвиваются с ветхих могил.*

*Степь, бескрайняя степь, чья широкая грудь
Вся исхожена тиграми, – не оглянуть!
Но не в этой земле прах покоится ваш,
Храбрецы, защищавшие предков Алаш!*

*Степь, наследие дедов, удел золотой,
Отчего ты наказана лютой бедой?
Мы глядели, но всё рассказать не могла
Скорбь балбалов, застывших немой чередой.*

*Степь, наследье великое, предков страна,
Чьих преданий исток – всех времён глубина.
Редко-редко льют слёзы над ней облака,
Оттого ль, что припомнила павших она.*

*Погрустит... Но лишь ливня иссякли струи,
Украшает цветами равнины свои.
Столько смотрит с картин несмышлёных детей,
Столько в местности этой случилось смертей!*

*Стольких словно бы огненный вихрь истребил,
Праха столь многих – вдали от отцовских могил...
Кто сюда завернёт, пусть почитит их словами Корана.
Спешься. Рядом постой...
(Отрывок из поэмы «Завет Алашорды»)*

Поэтическое переложение не может быть во всех случаях стопроцентно точным, не может быть буквальным. Нелепым было бы предположить, что перевод должен быть тождественен подлиннику. Сказанное поэтом непереводимо прежде всего на собственный язык поэта, ибо не может быть пересказано другими словами. Тождеству перевода и оригинала противится сам дух языка, заключающийся в звучании поэтической речи и в особенностях системы стихосложения. Но поэт-переводчик, обязанный всё же стремиться к предельной близости со всеми смыслами подлинника, к точности всех деталей, обязан создать правдоподобный образ переводимого поэта. Выразительная и энергетически мощная поэзия Касымхана Бегманова, безусловно, заслуживает усилий поэтов-переводчиков.

По моему ощущению, это та редкая разновидность поэзии, которая всем своим обликом показывает, что она состоит не только из слов, но еще и из некоего веянья, идущего к нам из заоблачного далёкого далека и вселяющегося в слова.